

ВОСКРЕСНЫЙ ВЛАДЫКО ВРЕЕТ

ВЕСТНИК РУССКОГО БЛАГОЧИНИЯ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ ФЕВРАЛЬ 2012

СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Само слово «сретение» в переводе с церковнославянского языка означает «встреча». В праздник Сретения Господня православные христиане вспоминают тот день, когда Богомладенец Иисус Христос был принесен в Иерусалимский храм — во исполнение древних обычаев ветхозаветного закона Моисея (см. книгу Левит 12:1-8). В соответствии с этим законом, женщины после родов на сороковой или тридцатый день (в зависимости от того, кто у них родился — мальчик или девочка) должны были приходить в храм для принесения ритуальной очистительной жертвы.

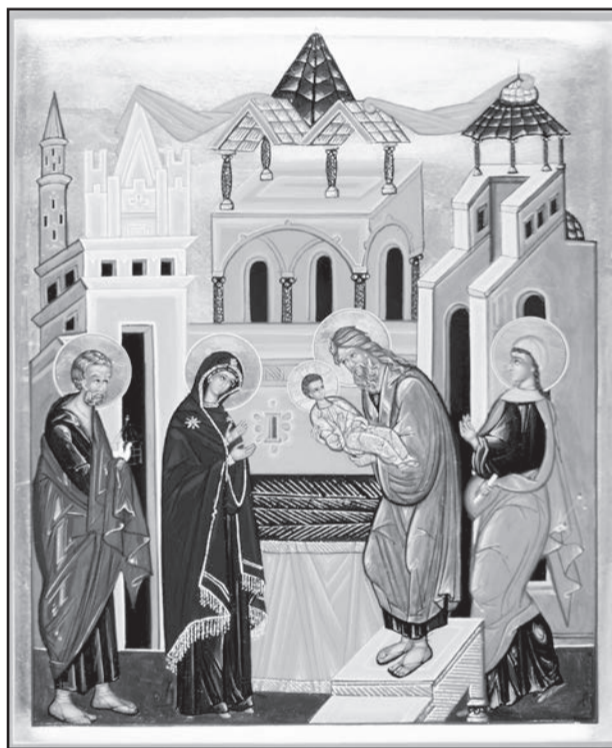
Посещает храм, ради принесения такой жертвы, и Богоматерь. Ею приносятся два голубиных птенца — жертва, по закону допустимая лишь для бедняков. Вероятно, обычно после принесения такой жертвы священник принимал младенца из рук матери, и, обратившись к алтарю, высоко поднимал ребенка, как бы вручая его Богу. При этом он совершал над ним две молитвы: одну — на тему закона о принесении выкупа, другую — с благодарением за рождение первенца.

Младенец Христос был встречен при входе в храм благочестивым и праведным старцем Симеоном (по Преданию Церкви — одним из переводчиков Священного Писания Ветхого Завета на греческий язык), которому некогда было обещано Духом Божиим, что он не умрет, пока не увидит своими глазами пришедшего на Землю Спасителя мира. Симеон был уже очень стар и превошел все мыслимые пределы продолжительности человеческой жизни; но смерть не приходила к нему, ибо по Божественному обетованию он должен был увидеть родившегося Христа. И вот, наступил день, когда этот древний старец принял наконец в Иерусалимском храме на свои руки младенца Иисуса, произнеся те, замечательные по своей силе слова, что и сегодня звучат в христианских церквях за каждым вечерним богослужением. В переводе на русский язык они звучат так: «ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое (т. е. принесенное нам Тобою), которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля». Теперь, дожив до дня рождения Христа, иначе говоря, до встречи с Богом, Который соделался — по Своей любви к людям — истинным Человеком, старец Симеон мог уже спокойно умереть: «сретение», наконец, состоялось.

Произносит он также и другие (тоже очень важные) — провидческие слова. Обращаясь к Богоматери, Симеон пророчесствует о Ее Сыне: «се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, ... да откроются помышления многих сердец», и, кроме того, добавляет, говоря уже о судьбе Самой Марии: «и Тебе Самой оружие пройдет душу». Старец говорит здесь о том, что родившийся Христос принесет в мир разделение. Отныне уже нельзя будет пребывать в спокойном, «комфортном» безраз-

личии к вопросам веры, равнодушно отказываясь от следования за Истиной: с этого дня человечество должно разделиться как бы на «два лагеря» по принципу — «за Христа и в Боге» или «против Христа и вне Бога». Слова же об «оружии», то есть о мече, которым будет пронзено сердце Богородицы — это пророчество о тех страданиях, что Ей еще предстоит испытать в тот день, когда Она окажется свидетельницей мучений и смерти на Кресте Собственного Сына.

Здесь же в храме находилась и женщина, также достигшая глубокой старости, обладавшая пророческим даром, — Анна, которая вместе с праведным Симеоном стала прославлять Господа.

После исполнения всех предписанных законом обрядов, Святое Семейство вернулось домой — в город Назарет (см. Евангелие от Луки 2:22-39).

Смысл праздника Сретения — в долгожданной и спасительной встрече всего человеческого рода — лицом к лицу — с изначальным Источником всякого добра и подлинного блага, истины и красоты: с живым Богом христианского Откровения. Именно здесь, по убеждению христиан, и проходит граница в истории всех верующих людей: в день Сретения встретились две эпохи, озаменованные двумя Заветами Бога и человека — Ветхим и Новым.

Как правило, проповеди христианских богословов и экзегетов, посвященные Сретению, отличаются особой восторженностью и возвышенностью, будучи буквально преисполнены радости и ликования. Например, в проповеди на Сретение, приписываемой святителю Кириллу Иерусалимскому (IV в.), говорится: «Итак, придите... Христороубцы и Боголюбцы, во сретение Господа и Владыки, с радостью и в чистоте изыдем: не законным обрядом, но духовно: не чрева сладостями работая, но духом играя... Все ныне, и

всегда празднственные возопием песни... С Сионом сретим, со храмом освятимся, с Девой величая, возрадуемся, с Иосифом принесем, аки два горлицища (как два голубиных птенца) душу и тело, с Симеоном Христа в объятия примем, и со Анною исповедуем, да тако в наслаждение небесных благ внидем, благодатию Господа, и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа».

По сути вся жизнь человечества до пришествия Спасителя — долгое и томительное ожидание радости этой встречи, Сретения Господня.

...Еще на заре истории человеческого рода происходит страшное и гибельное по своим последствиям для людей событие: их расставание, разлука с Богом. Адам и Ева — первые люди — самовольно вкушают плод от запретного Древа познания добра и зла, тем самым преступая единственное наложенное на них пока Творцом ограничение.

Отпав от Божественной Правды, нарушив эту заповедь, Адам и Ева сами воздвигли между собой и Богом крепкую стену отчуждения от Него. И с тех самых пор — долго, но безуспешно — искали люди новой встречи, нового единения со своим Создателем, блуждая впотьмах, спотыкаясь, сбиваясь с пути, вступая на смертельно опасные земли темных языческих культов.

Но все это время и Сам Бог продолжал искать отделившегося от Него и предавшего Его любовь — человека. Уже в самый день грехопадения ищет Господь среди святых садов древнего Рая-Эдема Свое падшее создание — Адама, взывая к нему: «Где ты?».

Конечно же, такое призывание не означает, что Бог в тот день не знал, где «физически» находится Адам, или не мог обнаружить его местопребывания. Просто подлинное единство двух личностей — это, прежде всего, единство взаимопонимания и любви. И вот такого чувства живого и действенного единства, чувства радостной, доверчивой любви и не мог найти тогда Господь в сердце Адама. «Падший» Адам уже не предстал пред Богом в прежней своей открытости и жертвенности полного послушания: он пытался скрыться от Него в тени райских деревьев; ведь, с нарушением им воли Божией, с грехопадением — на смену прежней любви к Богу в душу Адама вошло ощущение страха и отчуждения от Него.

И все же настал тот день, когда ветхий уже и немощный старец Симеон принял на свои руки Богомладенца Христа, возвестив о приходе в этот мир его Творца. Отныне уже человечество — в лице Симеона — ясно узнало и твердо исповедало, что после многих тысячелетий своего самовольного отлучения от Бога оно наконец-то встретило своего Создателя. Ведь Симеон держал на своих руках Того, Кто, по Своему таинственному изволению преступив пределы вечности и всемогущества, «умалился» до состояния беспомощного Младенца, держал — Самого Бога.

П.Ю.Малков

по материалам сайта portal-slovo.ru

ступает. Все дружно сла-
вят Христа.

По окончании спекта-
кля благочинный Руз-
ского округа протоиерей
Игорь Лепешинский и на-
чальник отдела по работе
с общеобразовательными
учреждениями Ната-
лья Станиславовна Тыр-
нова наградили выступа-
ющие коллективы благо-
дарственными грамота-
ми.

И уже в самом конце
над сводами Рузского
дома культуры зазвучала

общая рождественская
песня:

Наступило Рождество,
Праздник для детей,
Дома мы накроем стол,
Позовем гостей.

Чудесное Рождество,
Звездочки светят ярко,
Елка, Дед Мороз,
Праздничный пирог,
Долгожданные подарки.

Подарки, подготов-
ленные районной адми-
нистрацией, ждали де-
тей в фойе...

ХРИСТОС РОДИЛСЯ, СЛАВИТЕ...

После насыщенных рождественских богослужений наступили святки — дни, в которые верующие делятся друг с другом радостью от празднования Рождества Христова.

В эти дни принято посещать детские дома, приюты, больницы, устраивать на приходах рождественские концерты, дарить друг другу подарки.

В дни святок ребята из Сытковского филиала Рузской воскресной школы под руководством Олега Гончарова отправились колядовать в Сытковский детский социальный центр «Астарта». Воспитанникам центра была предложена рождественская музыкальная композиция. Юные зрители тепло встретили гостей, особенно долго аплодировали Алексею Пастухову, исполнявшему знакомые мелодии на балалайке и гитаре.

После раздачи подарков музыканты посетили Колоцкий монастырь, где собрались воспитанники воскресных школ Можайского райо-

В Покровском храме села Богородское приглашенный настоятелем хор выпускников, педагогов и учащихся детской музыкальной школы №68 имени Р. Щедрина (г. Москва)

мин вместе с главой сельского поселения «Дороховское» Сергеем Владимировичем Субочевым посетили многодетные малообеспеченные семьи, проживающие на террито-

Праздничные мероприятия прошли и в Дороховской библиотеке.

В Успенском храме поселка Тучково также состоялся Рождественский концерт с участием маленьких прихожан (учеников музыкальной школы), которые сыграли произведения мировых классиков. На концерте помимо детей прихожан присутствовали и дети Тучковского интерната. По окончании концерта всем детям были вручены подарки с пожеланиями счастья и благополучия в Новом году.

В эти Святые дни приход не обошёл вниманием и Тучковскую районную больницу, где во главе с настоятелем была отслужена Божественная Литургия на которой причащались больные. После службы протоиерей Вячеслав Осипов поздравил всех с Рождеством Христовым, прихожане раздали всем молящимся подарки.

В Поречье для детишек были показаны два мини спектакля: «Волхвы» и «Елочка».

на, а также насельники детского пансиона села Мышкино. Каждая шко-

исполнил духовные произведения русских композиторов.

рии сельского поселения, вручили им сладкие рождественские подар-

В период святок священники благочиния посетили также и больни-

ла исполнила свою рождественскую программу, а затем участники по традиции обменялись подарками.

В дни святок настоятель Покровского храма священник Сергей Ере-

ки, теплые вещи и книги, приготовленные администрацией поселения и приходом.

цы района. Дом престарелых в Грибцове посетила группа милосердия с рождественским концертом и подарками.

Василий Ирзабеков

ТАЙНА РУССКОГО СЛОВА

Продолжение. Начало в №1. Печатается с небольшими сокращениями.

Кто светел, тот и свят

Давно известно, что восприятие какого-либо предмета или явления во многом зависит от того, с каких позиций мы их воспринимаем. Меняется ракурс — и тогда слова, привычные слуху и не сулящие, казалось бы, ничего нового, приобретают совершенно иной смысл. Блещут — как дивной красоты алмаз — многоцветием граней. И тогда по-новому осознаешь, кажется, давно известное: что в том же слове образование содержится очень важная для всех нас — и тех, кто учит, и тех, кто учится — информация. Ведь корень этого слова — образ, то есть икона.

Сам язык наш многомудрый подсказывает нам, тугоухим, что самое главное для «образователей» всех ступеней вовсе не передача суммы неких знаний. Это подразумевается само собой. Куда важнее, оказывается, восстановление в человеке образа Божия. Да-да, извечное христианское стремление вернуть человеку, созданному по образу и подобию Божию, иконичность, некогда им трагично утраченную. Нам, Иванам, не помнящим своего высочайшего родства, русский язык настойчиво напоминает о нем, зовет прежде к постижению — еще до законов физики и химических формул, до математических уравнений и правил грамматики — именно этого совершенства. А потому и безобразие — есть именно потеря образа Божия. И как же понятна становится наша любовь к иконам, трепетное к ним отношение, ведь образ всегда стремится к первообразу.

Такой же подход нужен и к слову наказание. В процессе образования и воспитания никак не обойтись без наказания, однако понимать его нужно не как истязание, а как дачу наказа, то бишь наставления. Словом, наказание есть не что иное, как важная органичная составляющая этого процесса.

Внутренний гордец сопротивляется

Это как же, восклицает наш внутренний гордец, — всякий человек есть икона?! А как же убийцы, террористы, воры, всякого рода проходимцы, которым несть числа. Парадоксальность (но только внешняя!) заключается именно в том, «что и они, так страшно распорядившиеся данной им божественной свободой воли, — тоже созданы по образу и подобию, тоже иконы, только порой поврежденные до неузнаваемости».

Восстановить утраченную иконичность под силу ее Создателю, Которому, в отличие от веков, все возможно. Так это происходило в истории христианства со многими святыми. Так случилось и с Савлом, который непостижимым для нас Промыслом Божиим из неистового гонителя христиан превратился в святого первоверховного апостола Павла. Так случилось в одночасье на Голгофе с благоразумным разбойником, который принес искреннее покаяние и первый последовал вслед за воскресшим Спасителем в рай.

Думаю, с понятием иконичности тесно связано понятие личности. Вспомним, сколько копий было сломано, сколько слов потрачено педагогами и философами, писателями и политиками, всевозможными специалистами в области образования и воспитания по поводу формирования гармонически развитой личности, как непримиримы порой их позиции в определении самого главного — критериев этой самой личности. И это изрядно поднадоевшее: а Наполеон — личность? А Чингисхан? А Сталин?

Нельзя не обратить внимания на то, что «номинантами» на роль личностей, как правило, выступают люди, пролившие моря крови. И разве это не красноречивое свидетельство нашей ущербности? Ведь обретение личности — это, прежде всего прочего, уподобление Тому, Кто есть носитель Лица. И именно по этому пути шли все наши святые, иного просто нет.

Что же касается пресловутых критериев, то о них убедительно свидетельствует Евангелие: это слова и поступки самого Христа. Личность — это Тот, Кто, будучи Господом, смиренно умывает пыльные ноги своим ученикам, простым галилейским рыбакам. Личность — это Тот, Кто с необозримой высоты Голгофского Креста, истекая кровью, зверски избитый и оплеванный, оклеветанный и осмеянный, распятый, одного взмаха ресниц Которого было бы достаточно, чтобы смести всю эту толпу, все это воинство, весь этот неблагодарный, погрязший в мерзостях мир, — просит Отца Своего Небесного: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23,34).

Может ли слово быть без корней?

Не приходилось ли вам задумываться о том, почему нам так больно, именно больно, смотреть на избитое, обезображенное лицо другого человека? Несколько лет назад, оказавшись во время паломнической поездки в Никольском женском монастыре города Арзамас, с болью в сердце припал к иконе Пресвятой Богородицы, над которой глумились в бесовском опьянении безбожники, изрубив топором изображение глаз Пречистой. Но свершилось Божье чудо — и над шрамами заново проявились очи Приснодевы, как вечное напоминание всем нам о том, что святыня поругана не бывает.

А разве человек — не святыня? И разве допустимо для нас, православных, называть несчастных, обездоленных людей, несущих на себе пусть замутненный, но отпечаток Бога, постыдной аббревиатурой бомж, позабыв, что подобных людей на Руси всегда называли бродягами, бедолагами, горемыками, бездомными, босяками, что — помимо простой человечности самого слова — очень точно отражало их состояние. Не будем, следуя заветам мудрых предков, зарекаться ни от суммы, ни от тюрьмы.

Вспомним, однако, что все эти уродливые наросты на нашем языке: «бомж», «зэк», «комбед», «наркомпрос», «наркомпром», «эсэсэсэр» и им подобные — появились сразу же после воцарения безбожной власти. А потому напоенные христианской поэтикой сестра милосердия и брат милосердия преобразились в медсестру и медбрата. Смешно сказать, но этой печальной участи не избегло даже слово жалованье, превратившись в зарплату. Хоть и не худшее из всех «новоязовских» слов, но насколько оно неуклюже по сравнению с его благородным предшественником!

И все это случилось неспроста. Искажение языка — это одно из позорных свидетельств отпадения русского человека от Бога. И тогда человек попросту перестал рассматриваться властью предержащими как творение Божие, как Его образ. Только так могло появиться и позорящее человеческий образ слово рыло, столь печально укоренившееся среди так называемого «простого народа». Вот и запасаются теперь спиртным и снедью в расчете не на человека, а на (прости, Господи!) рыло. Почти по Гоголю!

Даздраперма и Урюрвкос

Искажения коснулись и имен. Вспоминаю, как три десятилетия назад в одной южной республике тогдашнего СССР отец семейства, дождавшийся, наконец, после трех дочерей рождения вожделенного сына, назвал его — Нэрд. Оказалось, такого имени нет ни у одного народа, так что в ЗАГСе поначалу отказались записывать малыша. Не мудрено. Ведь это была аббревиатура, придуманная отцом, которая расшифровывалась как научный эксперимент Рагима Джавадова (вот как!). И отец проявил-таки настойчивость, на целых шестнадцать лет (пока у парня не появилась законная возможность самостоятельно взять нормальное благозвучное имя) испоганив жизнь своего единственного наследника и сделав его объектом многочисленных насмешек и издевок сверстников.

Дальше — хуже. На нашей приличной в общем-то улице жили два брата-близнеца, оба отъявленные хулиганы, одного из которых звали Маркс, а другого — Комиссар. Помню, как сокрушались тогдашние взрослые по поводу того, что, дескать, позорят они такие высокие имена. Я же нынче понимаю, что как раз носители именно таких имен имели больше шансов стать бандитами и головорезами.

А чего стоят эти уродливые прозвища-монстры взамен благозвучных имен из святцев, которыми стали во множестве одарять новорожденных, — все эти Даздрапермы (да здравствует первое мая), Вилены (Владимир Ильич Ленин), Марлены (Маркс и Ленин), Сталины, Урюрвкосы (ура, Юра в космосе)... С каким восторгом извещает своих читателей газета «Известия» за 8 января 1924 года о новых советских ритуалах:

«На нашу молодежь религиозные праздники действуют подзадоривающе. Именно в эти дни хочется подчеркнуть свой решительный отрыв от религиозного прошлого и от всего, что связано с религией. Еще недавно рабочая молодежь на улицах и площадях сжигала изображения и куклы богов и святых всех стран и народов. Теперь, перейдя к более углубленным методам антирелигиозной пропаганды, она сжигает свое религиозное прошлое. И вот каким образом: в Иваново-Вознесенске на рождественских праздниках стали перекрещиваться: Степанова Нина — Нинель, Широкова Мария — Октябрина, Демидов Петр — Лев Троцкий, Марков Федор — Ким, Смолин Николай — Марат Тендро, Гусев Павел — Лев Красный, Клубышев Николай — Рэм Пролетарский, Уваров Федор — Виль Радек, Челышев Иван — Иван Красный.

Не только комсомольцы и партийцы «перекрещиваются», «но нет отбоя и от беспартийных».

— Товарищ, прошу меня перекрестить.

— Фамилия?

— Дворянкин, беспартийный.

— Как хочешь называться?

— Красный Боец.

Их много теперь, этих беспартийных «Коммунаров Калыгиных»...»

Но даже малое дитя знает ныне, что «как вы судно назовете, так оно и поплывет». Вот и приплыли.

Философия имени

Вспомним, как завораживает нас родословие Иисуса Христа с первых же строк Евангелия от Матфея. Вспомним, как начинаются молитвы наши: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!» И это неудивительно, ведь имя — мистический об-

раз личности! Более того, наше отчество связывает нас с нашим отцом, а фамилия — с целым родом не просто звуковым и графическим образом.

О. Павел Флоренский, посвятивший этому феномену книгу «Имена», пишет: «Поверьте, что тема личности дается именем, — и все остальное — лишь простая разработка этой темы по правилам контрапункта и гармонии... Имена — такие произведения из произведений культуры. Высочайшей цельности и потому высочайшей ценности, добытые человечеством».

Эпиграфом к ней он поставил слова А.Ф. Лосева из книги «Философия имени», которые не могу не привести: «А то, что имя есть жизнь, что только в слове мы общаемся с людьми и природой, что только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления, это все отвергать — значит впадать не только в антисоциальное одиночество, но и вообще в античеловеческое, в антиразумное одиночество, в сумасшествие. Человек, для которого нет имени, для которого имя только простой звук, а не сами предметы в их смысловой явленности, этот человек глух и нем, и живет он в глухонемой действительности. Если слово не действительно и имя не реально, не есть фактор самой действительности, наконец, не есть сама социальная (в широчайшем смысле этого понятия) действительность, тогда существует только тьма и безумие и копошатся в этой тьме только такие же темные и безумные, глухонемые чудовища. Однако мир не таков».

Пользуясь случаем, прошу многих и многих русских людей отбросить давнюю привычку дурного свойства и не называть близких своих людей, часто жен и мужей, по фамилии или прозвищу, а обращаться к ним дорогими святыми именами.

Без корней?

Возможно, кто-то и спросит: а не все ли равно, как называть? Спешу уверить таковых, что все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Так, слово бродяга отдает некоей болью, чего никак нельзя сказать об аббревиатуре бомж, из которой выхолощено человеческое чувство, и прежде всего — чувство сострадания к ближнему. Аббревиатура не может вызывать сострадания по определению!

Будучи лишено русских корней, слово лишается смысла, действующего на душу человека. Достаточно сравнить современное «бесчувственное» словечко киллер с разящими наотмашь — убийца и душегуб.

Бескорневой язык — это беда. Лишая наш язык родных корней, мы тем самым грубо обрываем нити, связующие нас с Богом, ибо многие факты русского языка свидетельствуют о том, что он есть для нас не просто лингвистическая система, а живая жизнь, освещенная Божественным светом. В нашем языке удивительным образом запечатлена высокая миссия русской нации.

Рассмотрим слово святой, которое сродни слову свет. И это не только и не столько поэзия, сколько запечатленная самим языком истина. Вспомним знаменитую беседу преподобного Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым о смысле христианской жизни. По свидетельству Николая Александровича, «служки Божией Матери и преподобного Серафима», как он себя называл, благодаря которому мы являемся свидетелями замечательного откровения величайшего подвижника нашей веры, келья тогда наполнилась невообразимым благоуханием, а лицо преподобного просияло таким неземным светом, что глазам его собеседника стало невозможно взирать

на святого старца. Да и многих других святых отшельников люди, искавшие у них утешения в скорбях, находили, как известно, по тому дивному свету, что озарял по ночам укромные места их подвижнического обитания.

Печальный парадокс заключается в том, что очевидное для одних совсем не обязательно становится таковым для других. Многим невдомек, какой смысл заключается в словах одной из утренних молитв, обращенных к Создателю: «Ты бо еси истинный Свет, просвещали и освящали всяческая...»

Вообще слово просвещение приобрело в России совсем иной смысл во времена Екатерины II. Новоявленными кумирами российской знати становятся в ту пору известные французские философы и писатели Жан-Жак Руссо и Франсуа Вольтер, перепиской с которыми так гордилась тогдашняя императрица. Это их имена начертуют на своих знаменах французские бунтовщики, которым надлежало положить конец христианской Европе, которые посягнули на установленный Богом миропорядок. Это они, ученики «великих французских просветителей», будут свергать королей и рубить им головы на потеху черни. Случится непоправимое, что в свое время отзовется кровавым эхом и в нашем Отечестве: тягчайшим грехом цареубийства прервется генетическая преемственность высшей власти.

А в это время в далеких от буйнопомешанного Парижа на чистых снегах Сарова денно и нощно будет молить Царицу Небесную о помиловании России старец Серафим, смиренно именуящий себя убогим. Тысячу дней и ночей колена-преклоненно стоя на камне, он умолял Пречистую Матерь предстательствовать пред Божественным Сыном, чтобы отвести от русского народа эту страшную заразу — революцию. И пусть хотя бы на одно столетие, но вымолил.

Невольно позавидуешь А.С. Шишкову, воскликнувшему некогда: «Слава тебе, русский язык, что не имеешь слова революция и даже равнозначного ему! Да не будет оно никогда тебе известно, и даже на чужом языке не иначе как омерзительно и гнусно!»

Да, в те воистину благословенные времена русский народ еще «страшно далеко» отстоял даже от декабристов, поднявших бунт против помазанника Божьего. Так что дирижер другого всеразрушительного бунта, сокрушаясь о провале декабристского восстания (дескать, «страшно далеки они от народа»), был не так уж неправ в характеристике русского народа.

О носителях света и беснующихся во мраке

Нам, огрубевшим, от нашей материально неблагополучной жизни, самое время напомнить, что крушение материального Союза ССР не означает полного и бесповоротного его крушения, ибо последнее, смею надеяться, не затронуло лучшую, в полном смысле слова нетленную часть нашего союза, о которой я имею кое-что сказать уже профессионально как языковед, ибо это — языковой союз, русский языковой союз.

Олег Трубочев, академик

Как известно, конец — делу венец. Вот и жизнь святых угодников Божиих, этих неугасимых светильников святости, по окончании их земного срока преображается в житие. Но именно их — этих молитвенников и печальников Руси — земные слуги извечного врага рода человеческого нарекут мракобесами. Только вслушайтесь: беснующимися во мраке (!).

А как же окончили свой земной путь те, кого некогда в России нарекли просветителями? Руссо был убит каминными щипцами конюхом Николасом — любовником его распутной жены, которая не то что не умела читать, а и время-то по часам определяла с трудом. Воспитатель королевских детей, своих собственных чад французский просветитель с беззаботной легкостью обрел на прозябание в казенных сиротских домах. Что касается Вольтера, то конец этого изощренного философа-богохульника, полностью потерявшего рассудок, был таким омерзительным и страшным, что писать об этом даже не поднимается рука. Такие вот «жития»!

И еще несколько слов о свете и мраке. Вспомним удивительную повесть Владимира Солоухина «Черные доски». Дело происходит в хрущевские времена. Автор книги, тогда еще молодой человек, разыскивает с приятелем древние иконы на руинах разрушенных безбожной властью церквей. И вот одна из многих его встреч, на сей раз с очень древней старушкой, ревностной хранительницей церковных образов. Выяснив, что искомая им ценная икона «Воскресение», похоже, канула в безвестность, Владимир Алексеевич сокрушается: «Да, жаль. Ценная была икона. Из темноты веков». И получает от простой деревенской женщины совершенно ошеломивший его своей философской глубиной ответ: «Где свет? Где тьма? Вы думаете, когда был монастырь, и когда здесь стояла церковь, и когда мы украшали икону цветами, — вы думаете, у нас в Пречистой Горе было темнее? Ошибаетесь, молодые люди. Икона дошла из света веков, а теперь, как вы сами видите, ее поглотила мгла неизвестности. И вот вы ищете, ищете ее. А почему ищете? Потому что она свет, она огонечек, и тянет вас на этот ее огонек».

Неожиданным подтверждением того, что все люди — независимо от веры, которую они исповедуют ныне, — призваны к жизни самим Христом, стал в очередной раз язык. Правда, на сей раз азербайджанский, в котором слово интеллигент звучит как зиялы, где корень «зия» означает луч, свет. Как тут не вспомнить Нагорную проповедь Христа, обращение Его к Своим ученикам с призывом: «Вы — свет мира» (Мф. 5, 14)! Как же мудро народное сознание, предполагающее, что истинно интеллигентные люди, подлинная элита нации вне зависимости от рода занятий, — призваны светить людям, быть лучезарными. В том же азербайджанском, как и в других языках, тоже бывают свои прозрения и озарения, подтверждающие, что язык — Божий инструмент, данный Им людям. Так, например, тварный и нетварный свет называются по-разному: ишыг и нур. Потому и человек, исполненный добродетели, именуется нурани — можно сказать, озаренный Божественным светом. А разве не удивительно пожелание вослед усопшему: «Пусть могила его наполнится светом!» Тем самым — который нур.

Не перестаешь удивляться тому, как замечательно в русском языке преобразилось значение слова интеллигент, уйдя от западного, чрезвычайно узкого, профессионально-функционального понимания. При западном, сугубо рациональном подходе понятие интеллигент не соотносится с душевными, а уж тем более духовными свойствами человека. А ведь только из духовного понимания могло родиться наше чеховское: «Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой».

Продолжение следует...

священник Александр Дьяченко

ЗНАЧОК

Маленький квадратик три на три сантиметра, из металла цветом под бронзу. В квадратике лицо мужественного человека, рядом с лицом – звезда Героя и имя – Карбышев Д.М..

Когда-то этот значок был пределом моих детских мечтаний. Наша школа в Гродно носит имя генерала Карбышева. Не знаю, как сегодня, но сорок лет тому назад, нас, учеников этой школы, за хорошую учёбу и соответствующее поведение награждали такими значками. Детская мечта, ведь на нём была выбита Геройская звезда, а мне, мальчику из того времени, тоже очень хотелось быть героем. Учился вроде бы и неплохо, но из-за моего вредного характера эта замечательная награда так и не нашла своего героя, то есть меня. Пишу сейчас и вспоминаю, что те, кто получал этот значок, носили его и даже в старших классах не стеснялись прикалывать к одежде.

У нас при школе работал музей, в котором были собраны экспонаты о жизни легендарного генерала. Правда, мы, тогдашние пацаны, интересовались подвигом Дмитрия Михайловича совсем немного. Мы знали, что он, попав в плен, не поддался немцам и не стал предателем, и за это враги морозной февральской ночью обливали его водой до тех пор, пока тело генерала не превратилось в одну большую ледяную глыбу.

Конечно, в наших глазах это тоже подвиг, но нам хотелось, чтобы наш герой был лётчиком, или танкистом, чтобы он взорвал какой-нибудь штаб или, на худой конец, закрыл грудью амбразуру дота, а так, казалось, что в его подвиге чего-то не хватает, как сказали бы сегодня, «экшена маловато», со взрывами и автоматными очередями.

В школьном музее, как и положено, были свои экскурсоводы, мальчик и девочка. В моё время экскурсоводом был пятиклассник Саша. Маленький упитанный мальчик с неизменным красным галстуком на шее. Зрение у него уже тогда страдало, и Саша носил большие очки в роговой оправе. Очки постоянно сползали с его маленького крючковатого носика, похожего на клювик хищной птицы. Мальчику приходилось часто поправлять очки, и при этом потешно морщить носик. Про себя я звал его «совёнком».

«Совёнок» хорошо учился и занимал активную жизненную позицию, поэтому его грудь, одним из первых в классе, украсил замечательный значок. Но я часто замечал, что Сашина активность проявлялась ещё и в том, чтобы, семеня маленькими ножками, вслед за высоченным завучем Сергеем Степановичем нести его папку или портфель.

За время моей учёбы у нас в школе, как минимум, дважды, проходил слёт карбышевцев со всей страны. Приезжали ребята из Москвы и откуда-то там ещё. Было много флагов и пионерских галстуков. И неизменно, на всех митингах Саша «совёнок» представлял нашу школу, начиная свои выступления словами: «Дорогие карбышевцы...», и заканчивая: «Мы, карбышевцы, клянёмся...» Саша картавил, и поэтому у него выходило «кабъшевцы».

Никто из пацанов нашего класса не стал бы носить за Сергеем Степановичем его портфель, хотя нам бы он его и не доверил. Наверняка, учи-

нили бы какую-нибудь шалость. Сергей Степанович отвечал нам взаимной неприязнью и считал своей обязанностью воспитывать нас при любой возможности. Он почему-то терпеть не мог, когда мы на его уроки приходили с часами на руках. Может, это от того, что владельцы часов постоянно показывали на пальцах всему классу, сколько ещё у Сергея Степановича остаётся минут до конца его воспитательного процесса.

— Дьяченко, что гэта у тебя на руке?

— Часы, Сергей Степанович.

— А кто тебе, дурню, позволил носить часы? Цеглу (кирпич) тябе на руку, Дьяченко, а не часы. Снимай, и иди кидай их у помойное ведро.

Под общий смех Дьяченко или кто другой шёл через весь класс, демонстративно снимал с руки часы и бросал их в ведро. Это было так смешно, что некоторые из наших сорванцов специально приносили на урок к милейшему Сергею Степановичу папины часы, чтобы потом под общий восторг швырнуть их в помойку.

Однажды, когда я в очередной раз увидел, как «Совёнок» несёт портфель завуча, у меня возникло острое желание подойти к «кабъшевцу» и дать ему хорошую затрещину. Вполне возможно, что во мне говорила зависть, ведь у Сашки был значок, а у меня его не было.

Наш директор, Василия Петрович, мечтал установить во дворе школы памятник генералу Карбышеву, и об этом, как об идее фикс, он говорил нам в течение многих лет. Мы постоянно всей школой зарабатывали на этот памятник. Собирали макулатуру, металлолом, выезжали на поля и убирали картошку, убирали мусор с окружающих школу улиц. Удивительно, но от этой работы не отлынивали даже Мишка Гемельсон, лодырь и фантазёр, со своим неизменным приятелем Ежиком Сауком. Да, и вообще, нам нравилось собирать металлолом, даже соревновались класс с классом, кто больше притащит. У нас в «Г» классе учились ребята с приводами в милицию, и вообще, такие, хулиганистые. Их заводила, здоровенный второгодник, Вовка Степанов, вдохновлял своих орлов: «Пускай каждый день, с утра до вечера, мы будем собирать металлолом, но обойдём всех». Так оно и получилось, эти целеустремлённые ребята из «Г» класса завалили школу всякой металлической дрянью, и потом ещё многие из того района, где стоит наша школа, приходили искать в этих кучах своё пропавшее имущество. Народ рвался к победе всеми возможными способами.

И, вот, наконец, был отлит большой бронзовый бюст, который и водрузили на постамент во дворе нашей школы к тридцатилетию победы над фашизмом. Генерала изобразили по груди, волевое лицо, и глаза, смотрящие прямо перед собой. Он был весь устремлён вперёд, несмотря на то, что руки у него были связаны. Правда, рук автор не отлил, видимо не хватило нашего металлолома, но в общем замысле это угадывалось.

Размышляю сегодня о той эпопее с памятником и поражаюсь мудрости нашего директора, ведь он от нас не требовал кланчить деньги у родителей, он нас самих заставлял работать. Они все воевали, и наш директор, и Сергей Степанович, а на пиджаке у физика, в день открытия памятника я насчитал четыре ордена Отечествен-

ной войны. Директор мудро и ненавязчиво складывал в наше сознание образ генерала Карбышева, человека мужества и чести.

А мы тогда ещё были глупыми, нам хотелось похулиганить, посмеяться. Уже, как-то в мае, когда окна в классах весело распахнулись в предчувствии летних каникул, у нас во дворе возле памятника проходило какое-то мероприятие. То ли это был урок для малышни, то ли гостей принимали, точно не помню. Но помню, как Игорь Кирко, прицелившись, ловко метнул в памятник кусок мела. Мел угодил точно в голову генералу, и полый бюст отозвался на удар звуком, похожим на гудение набатного колокола. Кто-то из наших испугался такой дерзости, кто-то стоял и молчал, Игорька никто не осудил, правда, никто и не подержал.

Мы тогда ещё много чего не понимали, и не представляли себе, как сложится наша жизнь. Мы были молоды и веселы, нам хотелось смеяться и радоваться жизни. А взрослая жизнь обещала быть интересной и манила нас к себе распахнутыми объятиями.

После окончания школы мы разбежались в разные стороны, кто-то пошёл учиться, кто-то работать. Со временем связи потерялись, и я долго ни о ком ничего не знал. Только однажды, уже после развала Союза, приехав к родителям, и включив телевизор, увидел Сашку «совёнка». Он шёл вслед за очень большим начальником и нёс его папку. — Вот это здорово, — обрадовался я, — значит, всё-таки Сашка чего-то стоит, раз такой человек обратил на него внимание.

Прошло много лет, как мы окончили школу, я к тому времени уже стал священником, и однажды меня пригласили к умирающему старику. Вернее пригласили моего духовника, отца Павла, а он взял меня с собой. Старика звали Василий Иванович. — Слышь, Сашка, чисто как Чапая, — говорил батюшка. — Я тебя специально с собой взял, «Чапая»-то я давно знаю, но хочу, чтобы он тебе свою историю рассказал, полезно будет послушать.

«Чапай» сидел на диване в бедно обставленной комнатухе. Он был стар и немощен, и, тем не менее, в его словах и осанке ещё ощущалась сила. Свой рассказ он начал с того, что попал на фронт ещё в 42-ом. Был командиром отделения автоматчиков. Ему везло, он провоевал почти два года и практически ни разу не был ранен. Участвовал в форсировании Днепра, его отделение одним из первых закрепилось на противоположном берегу, и до подхода основных сил удерживало плацдарм. Потом от штабных он узнал, что его представили к высокой правительственной награде, но вручить орден не успели. В одной из стычек с противником его контузило, и он пришёл в себя уже в немецком плену. Много испытал бывший сержант, пройдя через пересыльные лагеря, пока, в конце концов, не оказался в Австрии в Маутхаузене.

— Здесь, в лагере я и познакомился с необыкновенным человеком, память о котором пронёс через всю мою жизнь. Его имя — генерал Карбышев. Маутхаузен был его тринадцатым лагерем, он прошёл и через Майданек, и через Освенцим. Попал в плен в самом начале войны, под Гродно. Его форты, его укрепрайоны — это, наверное,

высшее достижение тогдашней фортификации. Доктор наук, профессор академии Генерального штаба, ему тогда уже было за 60. Фашисты генералу золотые горы сулили, столько времени улачивали, всё надеялись на свою сторону перетянуть. А он — ни в какую. В то время, когда наши пути с ним пересеклись, он находился на общем положении со всеми остальными заключёнными, точно так же работал и переносил всё, как и другие пленные, никаких поблажек. В лагере он руководил сопротивлением, через него мы узнавали новости с фронта. Как же мы ждали победы, как надеялись на наших. Дмитрий Михайлович, даром что пожилой, физически измождённый человек, а дух в нём был настоящего воина. Он нас тогда молодых поддерживал, надежду вселял. Ему всю войну предлагали предательство и жизнь, а он выбрал честь и смерть.

Ночью 18 февраля 1945 года, уже перед самым освобождением, генерала вывели на лагерный плац, раздели и оставили умирать. Потом фашистам показалось, что умирает он слишком медленно, и его стали обливать водой до тех пор, пока не превратили в ледяную статую. Нас поставили недалеко от плаца и заставляли смотреть на казнь. — Русские свиньи, смотрите, как умирает ваш генерал, и вы обречены, и точно так же умрёте, — смеялись гестаповцы, а сквозь их смех я слышал голос Карбышева: «Держитесь, товарищи! Нас не забудут!»

Даже смотреть на казнь было страшно, и кто-то стал было отворачиваться, но немцы, словно только того и ждали. Как кто отворачивался, так ему в лицо и стреляли. Я всё видел и всё помню, и крик генерала до сих пор стоит у меня в ушах.

После освобождения уже наши заталкивали нас в теплушки и отправляли через всю Европу в Сибирь. И ещё долгих 11 лет я продолжал оставаться военнопленным. Как выжил, не спрашивай, одно время от этой несправедливости даже руки на себя хотел наложить, но вспоминал генерала и его приказ: «Держитесь!» Вот и держался, не сломался, не подличал, не предавал. В 56-ом приехал сюда, реабилитировался, поступил на работу. Ну, а дальше неинтересно.

А в начале 80-х приглашают меня в военкомат, и военком подаёт мне коробочку с орденом Ленина. — Этой высокой наградой вас, уважаемый, Василий Иванович, партия и правительство наградило за форсирование Днепра, только вручить, вот, к сожалению, не успели. Я взял протянутую мне коробочку, долго смотрел на орден, вспоминая всё пережитое: «Я отказываюсь от него». После всего того, что мне и моим товарищам пришлось испытать, я не верю этому человеку, и партии его не верю, — и вернул награду назад военному.

— А какой бы вы орден предпочли, уважаемый, уж не этот ли? — В сердцах произнёс военком. И он изобразил у себя на кителе крест, намекая, на то, что я неслучайно оказался в плену. — Нет, майор, я никогда не был предателем, а вот, если бы был такой орден, «генерала Карбышева», я бы тогда его не то, что на груди носил, я бы с ним и на ночь не расставался, под подушку бы клал. Повернулся и ушёл. Затаив дыхание, я слушал «Чапая». Подумать только, он лично знал человека, который в моём представлении мог быть только памятником.

Через несколько месяцев звонок из дома: «Саша, твои одноклассники собираются на встречу выпускников, хотят юбилей отметить, интересуются, может, приедешь?»

Я приехал, и мы встретились. Двойственное чувство испытываешь от встречи с одноклассниками. С одной стороны, это радость, а, с другой — понимаешь, что лучше бы и не встречаться, потому что встретились, а говорить не о чем. Всё, что нас когда-то связывало, осталось в далёком прошлом. Уж и страны той нет, в которой мы росли, и нет той догмы, в которую нас учили верить. Но что-то продолжает нас объединять, но что?

Кто-то из ребят не нашёл себя в новом мире, сильно сдал и начал пить, кто-то потерял самых близких, и было видно, что держится из последних сил. Многие из наших в поисках счастья разбрелись по всему миру: Циля уехала в Израиль, Женька Гемельсон — в Штаты, Ёжик Саук живёт в Польше, Алик Бородин — в Канаде, обычная география нашего поколения. Я уже не говорю о тех, кто уехал учиться в Россию и на Украину, да так там и остался.

Мне хотелось поддержать друзей моей юности и сказать им что-то вроде: «Ребята, не падать духом, мы же русские, мы прорвёмся». Но, по большей части, мы как раз-то и не были русскими. Сказать, «мы — православные»? Тоже не в точку, как минимум, половина из нас католики, да ещё и иудеи. Кто же мы? Советские? Тоже неправда, никто из нас всерьёз не верил в коммунистическое завтра. И вдруг, словно озарение: «Ребята, мы же карбышевы, мы прорвёмся». И стал рассказать им про уже покойного «Чапая», и про его встречу с нашим генералом. Я видел, как после этого просветлели лица моих ребят.

Потом, гуляя по городу, зашли в школу. Мы пришли поклониться генералу и нашим учителям фронтовикам, которые учили нас вечным ценностям, умению любить и не предавать себя и тех, кого любишь. Наши судьбы ещё в далёком детстве сплелись, подобно металлу этого памятника, в единое целое, и мы до конца своих дней так и остались братством карбышевцев. И разве от того, что мы разъехались и живём те-

перь в разных странах, подвиг для нас перестал быть подвигом, а предательство предательством?

Возвращаюсь в Москву. На Белорусском вокзале в одном из книжных развалов увидел книжку, не помню, уж, как она и называлась, но главное — имя автора мне было хорошо знакомо. Беру книжку в руки, и с задней стороны обложки на меня смотрит до боли знакомое лицо дородного круглолицего мужчины в очках из роговой оправы на носу, напоминающем клюв хищной птицы. Кажется, сейчас очки начнут сползать и он вновь, как в детстве, станет поправлять их пальцем, смешно сморщив нос.

Я пролистал книжку, но читать её мне не хотелось. — Скажите, — спрашиваю лотошника, — что из себя представляет автор этой книги? — О, знаете, это известный диссидент и правозащитник из соседней с нами страны. Он некоторое время работал у самого Большака, и ему открылась вся неправда, которую тот творит. Автор ушёл от него и написал разоблачительную книгу. Прекрасное перо, разящий стиль, покупайте, не пожалеете.

— Да, — думаю, — знакомый стиль, «узнаю брата Колю». Обличать тех, кому ещё вчера служил верой и правдой. Не смог, значит, больше папочку за хозяином носить, «совесть» твоя не вынесла, вот и ты его сдал. Противно, предательство всегда вызывает чувство гадливости, даже если предают, казалось бы, из самых высоких и гуманных соображений.

— Нет, всё-таки надо было тогда дать тебе пару раз, для профилактики, глядишь, и из тебя бы человек получился. Верни значок, «совёнок», ты всегда был только «какбышевцем», — произнёс я в сердцах, и невольно ударил ладонью по фотографии.

Слышу: «Простите, это вы мне?» Продавец испуганно смотрит в мою сторону. — Нет-нет, вы меня простите, — это я ему, — показывая продавцу на фотографию, — это я ему говорю, пусть значок вернёт.

Продавец смотрит на меня уже как на сумасшедшего. Кладу книгу на лоток и отхожу. Может, я действительно похож на сумасшедшего? Может, в мире, где оправдывают генерала Власова, и где Степан Бандера становится Героем, нам и не на что больше рассчитывать?

Но на днях мне в руки попал альбом моей дочери, листаю и вижу её фотографию на фоне дорогой мне реликвии. Вспоминаю, да я же сам её и фотографировал, а она хранит этот снимок. Так если хранит, может и надежда есть, что наше братство не закончится вместе с нами?

И так хочется надеяться, что кто-то и после нас когда-нибудь скажет: «Нет, ребята, рано списывать нас со счетов, мы карбышевы, и мы обязательно прорвёмся».

Редакция газеты «Воскресный благовест» приглашает к сотрудничеству внештатных корреспондентов, тел. 8—916—671—09—84

ВОСКРЕСНЫЙ БЛАГОВЕСТ
Вестник Русского Благодочиния

Адрес в интернет <http://orthodox-ruza.ru/>

Адрес редакции для писем: 143100, Московская область, г. Руза, ул. Дмитровская, д. 12 «Б»

Главный редактор — протоиерей Игорь Лепешинский; E-mail для писем, комментариев и статей: dimruza@mail.ru

Распространитель — Алексей Волчков, тел: 8—926—278—28—35

Фото — Инна Сухарева, Мария Шумилова, Александр Артеменков

Отпечатана: Типография ОАО «ИД» «Красная звезда»; 123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru. Тираж 2500 экз. Заказ № 69

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в хозяйственных целях. Если газета стала не нужна, то отдайте её ближнему или принесите в храм.